

АФИНЫ — ЗНОЙНОЕ ЛЕТО 1974 ГОДА

Впервые я приехал в Грецию в 1974 году. После трудных времен Советского Союза здесь все казалось сказкой. Меня везли из аэропорта по проспекту Вулиагменис, а я с удивлением смотрел на трехэтажные магазины полных люстр на любой вкус, на которые у нас был большой дефицит. Если в Союзе была у меня лишь одна двоюродная сестра, то здесь предстояло познакомиться еще с пятью братьями и сестрами. Основные родственники переехали на историческую родину из СССР в 20-30-х годах XX века, а некоторые прямо из Малой Азии. Последним кораблем в 1940 году из Одессы приехала моя родная тетя София с двумя маленькими дочурками на руках, которые родились в Батуми. Вечером они сходят с корабля в Пирее лишь с детскими вещами с тем, чтобы утром получить весь основной багаж. Но ночью налетает немецкая авиация и топит их корабль вместе с вещами еще 20 семей переселенцев из СССР. Вот еще одна кризисная претензия к Германии! Все наши люди, которые переезжали из Союза в Грецию обычно везли с собой в вещах золотые царские монеты, благо тогда таможня не могла использовать нынешнюю современную аппаратуру. И благодаря этим монетам покупали дома, устраивали свою жизнь. А семья моей тети осталась, как говорят греки – «ста крия ту лутру».

И вот через 34 года я приехал к моей родной тете - все уже трое детей получили высшее образование и работали на престижных местах - и всё это, понятно, каких трудов стоило их родителям.

В это время президентом Греции был представитель хунты генерал Федон Гизикис. Когда его показывали по телевидению, он только, в отличие от предыдущего черного полковника Георгиоса Пападопулоса прекрасного оратора, мог говорить – «Спасибо, большое спасибо!» Хунта старалась присоединить Кипр к Греции, и там летом 1974 года была совершена попытка государственного переворота – президенту Архиепископу Макариосу пришлось бежать на английскую военную базу, откуда его переправили в Англию, а затем в США. На Кипре в это время жили 420 тысяч греков и 50 тысяч турок. И Турция в защиту этих 50 тысяч высаживает свои войска на остров и оккупирует северные территории – 37% всей страны. Греческий военный флот направился к Кипру, но был остановлен американским, видно, всё было заранее предусмотрено. В Греции была объявлена всеобщая мобилизация - все любыми способами должны были прибыть на границу с Турцией на Эвро. В Афинах не было ни одного мужчины призывного возраста – на меня все смотрели с удивлением и укором. И в это трудное время 23 июля президент Ф. Гизикис собрал всех оставшихся в Греции старейших и авторитетнейших политиков и заявил, что он уходит в отставку и нужен опытный греческий политик, который возглавит страну и выведет её из создавшегося кризисного положения. Все в один голос навали Костаса Караманлиса, который из-за разногласий с королевой Фредерикой вынужден был покинуть страну в 1963 году и в настоящее время проживал в Париже. Гизикис дал согласие, и на личном самолете президента Франции Валери Жискард д'Эстена Караманлис в два часа ночи прилетел в столицу Греции - его встречало, наверное, пол - Афин.

В Афинах в центре на улице Асклипиу был книжный магазин, где продавали и русские книги, и русскую прессу. Я всегда здесь покупал «Известия» и «Советский спорт», здесь же я купил 50 редких книг на русском языке том числе и Кима Филби «Моя тайная война» и очень популярную и трудно доставаемую тогда книгу Михаила Булгакова с «Мастером и Маргаритой», «Белой гвардией» и «Театральным романом», которую в Одессе таможенник умолял продать ему за 50 рублей (тогда большие деньги). В этот день в этом магазине я познакомился с парнем и девушкой, как оказалось греческими комсомольцами. Когда мы вышли на улицу, то слышим, что все машины сигналият и все кричат - «О Костакис эрхете!» Я пригласил ребят в кафе «Флора» недалеко от Парламента на проспекте Панепистимиу на кофе. В это время человек семь молодых ребят с греческим флагом пробежали по проспекту в сторону площади Омония. Через какое-то время назад едет легковая машина, на крыше которой стоит, размахивая греческим флагом, прекрасная Алики Вуюклаки, а вокруг неё бегут человек 15 молодых парней. А уже в обратную сторону толпа запрудила весь проспект. Так греки радовались свержению хунты!

На второй день прилетели самые ярые враги хунты-всемирноизвестные композитор Микис Теодоракис и актриса Мелина Меркурри, которая в аэропорту по прилету бросила журналистам – «Аде ре, тора миламе моно эллиника!» Через несколько дней в магазинах уже продавалось 12 дисков Микиса Теодоракиса, полностью запрещенных при хунте.

Костас Караманлис сумел успокоить обстановку и избежать войны с Турцией, которая могла начаться в любую минуту. В это время Госсекретарь США Гарри Киссинджер курсировал между Анкарой и Афинами, и это тогда называли «челночной дипломатией». Однако Киссинджер в этой дипломатии, как выяснилось, поддерживал только Турцию, выдавая все, что удавалось узнать в Афинах. Еще один пример коварной дипломатии.

Все ждали выступления Караманлиса на митинге в Салониках, на котором он сказал, что Греция принадлежит Европе - и, действительно, Эллада в 1981 году 12-ой страной вошла в ЕС. Там же на митинге Караманлис бросил интересную фразу, которую многие запомнили – «Мы, греки, бедный народ, но очень гордый».

Так на моих глазах Греческое государство вернулось от диктатурии хунты к демократической республике. А до этого по приглашению крестных моего старшего сына Иордана - Василии и Георгия Пасху я полетел на остров Корфу, где у них был торговый центр. В один из дней супруги Пасху пригласили меня в известную на острове таверну - Трипа (Дыра). Когда мы подъезжали к этой таверне, я увидел шикарный «Роллс-ройс», в который садились невысокого роста пожилой мужчина и двое высоких крепких молодых людей. Во время обеда хозяин таверны подошел ко мне и приобнял меня. Я спросил его не из Батуми ли он приехал в Грецию, т.к. очень много моих земляков в 20-х и 30-х годах переехали на историческую родину. «Нет, – ответил мне он, – мне сказали, что ты из Советского Союза, а я – левый, коммунист». Когда же пришло время расплачиваться, хозяин сказал, что до нас обедал у них сам Онасис и на 500 драхм не поел, а отдал 5000 и наш обед идет за счет него. Оказывается, в «Роллс-Ройс» сидел сам греческий мультимиллионер Аристотель Сократ Онасис с двумя телохранителями. Так я пообедал за счет этого «великого» грека.

А до этого Онасис отмечал какой-то праздник и пригласил много мировых знаменитостей, которые прилетали в Афинский аэропорт, а оттуда на его самолётах на его остров Скорпиос. Прилетели и супружеская пара Мстислав Растропович и Галина Вишневская, а также великий Рудольф Нуреев. Интересно, что Нуреев несмотря на жару был в аэропорту в тулупе. Корреспонденты спросили его, не жарко ли ему, и он ответил, что через тулуп жара не проходит.

В старые добрые времена любой советский человек, выехавший за рубеж по частной визе, должен был в течение трех дней появиться в советском консульстве и зарегистрироваться – трудно и смешно представить это в настоящее время. В Афинах тогда советское посольство находилось на углу улиц Василисас Софиас и Ироду Атику, а консульство и торгпредство в районе Палио Фалиро. И я как законопослушный гражданин на третий же день явился в консульство и имел счастье познакомиться с интеллигентным и обаятельным советским консулом Николаем Александровичем Тихоновым, с которым тут же у нас установились очень хорошие отношения. И все наши дальнейшие встречи всегда были очень теплыми. Потом я слышал, что после Афин он работал на Кипре.

В августе во время летних отпусков мои греческие двоюродные сестры засобрались поехать в турпоездку-по три дня в Париж и Лондон. Я своим тогда наивным умом посчитал, что раз органы выпустили меня за границу в Грецию, то не будет большим преступлением, если я поеду в эти красивейшие европейские столицы - мечту любого советского человека. Но в туристическом бюро впервые увидели наш серпастый-молоткастый советский паспорт и не знали, что с ним делать. Мне сказали, что я сам должен получить визы во французском и английском консульствах. Французский консул удивленно повертел мой паспорт и спросил, почему я так хочу в Париж. Я его в ответ спрашиваю, знает ли он, чем отличается Париж от мужчины. Говорю, что знаменитое армянское радио ответило, что в отличие от мужчины Париж всегда Париж, и потому я очень хочу увидеть этот великий город. Французу очень понравилось. И он выходит и, как оказалось, звонит нашему консулу. Тот сказал, что перед отъездом я должен к нему зайти, чтобы знали, где я буду. Консул мне говорит, что вот какая ваша советская свобода – если весь миллион французов, которые каждый год приезжают в Грецию, зайдут в консульство, то они с ума сойдут. В конце он мне сказал, что я должен получить английскую визу, а они дадут мне транзитную французскую. Тут же бегу во второе консульство, пишу заявление, две фотографии сдаю – а они мне, что в течении месяца получу свою визу. Я им объясняю, что через неделю выезд – они обещают поторопиться.

На второй день еду в наше консульство. Николай Александрович Тихонов мне говорит, – «Яннис, если хочешь поезжай, я как-будто ничего не знаю, но можешь иметь проблемы с КГБ». После такого я, конечно, решил не ехать, а на третий день позвонили из британского консульства и передали, что я могу приехать за получением визы. Пришлось отказаться от этой соблазнительной поездки. Когда же я вернулся в Батуми, то спросил нашего председателя комитета Гайоза Георгиевича Чубинидзе, которого я знал с 1962 года, когда в Тбилиси сдавал в ОВИР-е документы на ПМЖ в Грецию и с которым у меня были хорошие отношения на основе нашей общей большой любви к певцам Френку Синатра и Перри Кома (я ему привез пластинку “The best Frank Sinatra”). Гайоз Георгиевич сказал мне, что очень хорошо поступил, что не уехал никуда, а то были бы проблемы.

Сейчас это все звучит удивительно, но мы все это пережили - ведь есть старая древнегреческая поговорка-«Тот не познает счастья, кто не познал несчастье».

Тогда в Афинах я познакомился и подружился с Георгием Георгиу, хозяином большого магазина бытовой техники по улице Иппократу, бывшим коммунистом и участником Сопротивления и гражданской войны. Он провел после войны молодым человеком несколько лет на каторге, а в первые же дни при хунте Георгий был арестован прямо в магазине, но, правда, через год выпущен. Он мне сказал, что ниже по улице Асклепиу национальный герой Греции Манолис Глезос имеет небольшой книжный магазин «Вега» и предложил зайти к нему, так как ему будет очень приятно познакомиться с представителем Великого Советского Союза. Мы все хорошо помним многочисленные митинги в нашей стране со лозунгами «Свободу Манолису Глезосу». Я решил сам пойти к нему. Захожу и вижу в этом крохотном магазинчике убитого седой очень пожилого человека. Я останавливаюсь в дверях, Глезос смотрит на меня, а я на него и стало очень обидно. Я считаю в уме – в 1940 году, когда он сорвал с Акрополя фашистское знамя и повесил греческое, ему было 17, сейчас же в 1974 году ему только лишь 51, а передо мною сидит почему-то глубокий старик, как мне показалось. И я с болью делаю шаг назад и ухожу. Так не состоялось мое знакомство с легендарным Манолисом Глезосом.

Я продолжал часто покупать русские газеты в магазине на Асклепиу. В один из дней я читаю в «Советском спорте» о товарищеской игре по футболу СССР - Польша, которую наши выиграли со счетом 3-1. Выше всяких похвал сыграл тандем нападающих - киевлянина знаменитого Олега Блохина и сына греческого политэмигранта Василиса (Лакиса) Хадзипанагиса из ташкентского «Пахтакора». Они вдвоем растерзали всю польскую защиту. Забили все три мяча - один Блохин и два Хадзипанагис. Лакис был быстрый, техничный и хитроумный, отлично владел дриблингом, часто применял оригинальные финты и обманные движения. Я с этой газетой прихожу к моему греческому другу Такису Адамидису, родители которого были из Батуми и который в центре напротив универмага «братья Ламбропуло» имел 2-х этажный магазин музыкальной аппаратуры, и рассказываю об этом футбольном матче и о Хадзипанагисе. Так он мне буквально кричит – «Мы его купим!» Я ему объясняю, что в СССР людей в отличие от Запада как скот не продают и это противоречит устоям социализма. Тогда Таки звонит своему знакомому известному греческому спортивному комментатору Яннису Диакояннису, я пересказываю ему новости о Хадзипанагисе, которые он включает в свою телепередачу. Затем я ему присылаю статью из журнала «Спортивные игры» за 1975 год о Лакисе Хадзипанагисе, и он делает более полную телепередачу. Так Греция узнала о своем выдающемся сыне, а руководство салоницкой команды «Ираклис» сразу же посылает в Ташкент своего представителя и они привозят в 1976 году Лакиса в Грецию, предоставив ему, как тогда говорили, один миллион драхм (50 тыс. долларов) и 3-х комнатную квартиру. Однако во время заключения контракта ему подсунили вместо одного года 10 лет. И после этого Лакиса ни за что не отдавали в лучшие греческие клубы, играющие в Европе, отказывали клубам Гермаии и Италии, т.к. его великолепная игра помогала «Ираклису» заполнять трибуны стадиона. А в связи с тем, что он сыграл три игры за сборную СССР, то уже никогда не смог бы играть за национальную сборную Греции. И поэтому его прекрасный дриблинг и удивительные голы смогли увидеть и восхищаться ими только греческие любители футбола - получилось, что он был недооценен футбольным миром.

В «Пахтакоре» Лакис играл вместе с членами сборной СССР прекрасными молодыми футболистами Владимиром Федоровым и Михаилом Аном, и это трио, как говорится, тогда «гремело» на весь Союз. Однако благодаря своему переезду в Грецию в 1976 году Лакис сумел сохранить свою жизнь, т.к. уже в 1979 году вся команда «Пахтакор» погибла в авиакатастрофе. Конечно, Лаки не знает, кто его открыл Греции, где он прекрасно играл в дальнейшем. Два раза я видел в последнее время телепередачи о Лакисе, показывали фрагменты его футбольных матчей, незабываемый дриблинг, вероятно, лучший в футбольной истории Греции.

Таким было жаркое и яркое лето 1974 года в Афинах.

ЯННИС КЕСИСОВ

Член Парламента Аджарской АР 1996–2004 г.г.